
Александр ВОЛЫНЦЕВ

РАССКАЗЫ

(из цикла «Бледные люди»)

КОМПОСТ ИЗ СУХОФРУКТОВ

Человек проснулся в омерзительном состоянии духа. И это неудивительно: еще никого с утра не радовали липкие влажные простыни, да еще созревшие за ночь. Понятно, что никто их менять не собирался. Ибо не время. Значит, не положено. Для всего есть график, а каждому овощу — свой фрукт.

Человек, правда, об этом не размышлял. Он просто печально лежал под этим всем, укрытый почти до самых глаз одеялом, и смотрел в потолок палаты номер сто семь. Лежал и пытался уловить хоть какую-то призрачную ниточку, связывающую его с прошлым. Иногда казалось, что еще чуть-чуть, и он ее нащупает... Но в последний момент спасительница ускользала, и прошлое уплывало все дальше... дальше... дальше...

* * *

Кавалькада упитанных, лоснящихся черной эмалью иномарок представительского класса подкатила к пятиэтажке эпохи раннего сталинессанса.

Мишка («корреспондент губернаторского пула», как его издевательски именовали между собой сотрудницы бухгалтерии) растер основательно подмерзшие уши. За полчаса с того момента, как они с оператором Жекой выставили всю необходимую аппаратуру, теплее на улице не стало.

Согнанные на мероприятие жители окрестных домов при виде кортежа воодушевились близкой развязкой. Музыканты военного оркестра напряглись в ожидании взмаха волшебной палочки капельмейстера. Мир замер в предчувствии судьбоносных слов отца губернии. И не был обманут.

Губернатор, несмотря на свою (не только политическую) крупность, легко вспорхнул на невысокие подмости у стены дома, окинул царственным взором отутюженную простыню, скрывающую нечто на стене, и, подойдя к микрофону, замер. Выдержав истине мхатовскую паузу, властитель изрек:

— Друзья! Ростислав. Исаевич. Лисницкий. «Человек эпохи Возрождения». Так его называют журналисты, намекая на фантастическую многогранность таланта нашего современника. А я вновь позволю себе не согласиться с многоуважаемой четвертой властью. Да-да. Ростислав Исаевич — сам эпоха. Эпоха нашего Возрождения. Весь жар своего сердца, всю клокочущую энергию души он посвятил преобразению культуры Отечества: и малой, и большой Родины. И сегодня, открывая эту мемориальную доску, я уверен, что она станет путеводной звездой для сотен его учеников, на плечах

Александр Волынцев родился в 1967 году в городе Озерске Челябинской области. Работал бетонщиком, стрелочником, водителем трамвая. Окончил филологический факультет Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в Озерске.

которых ныне лежит ответственность перед Учителем за то наследие, что оставлено им на десятилетия вперед!

Оркестр ударил торжественную ноту, губернатор властно дернул за покрывало, и миру явилась мраморная плита с барельефом юбиляра, столетие которого столь бесцеремонно вклинилось в до отказа забитый график главы региона. «В этом доме с 1989 г. по 2013 г. жил...» И так далее, со всеми полагающимися для эпитафии эпитетами. Узнаваемые на всей территории бывшего Советского Союза «буденновские» усы не давали ошибиться в том, кто увековечен на барельефе.

— Повезло кому-то, — еле слышно продышал на ухо Мишке неунывающий Жека.

Мишка кивнул. Он хорошо помнил, как года три назад открывали похожий экспонат на особняке, в котором проездом останавливался Чехов. Или Радищев? А, неважно. Важно, что когда губер дернул за веревочку, она зацепилась за угол доски. Губер дернул сильнее. Доска рухнула вместе с куском исторически ценной штукатурки, за которой оказалась дранка однозначно дорадищевских времен. Надо ли говорить о том, что директор строительной фирмы, реставрировавшей особняк к торжествам, не успел добежать до канадской границы?

К микрофону вышел министр культуры. Пошла черед говорящих голов, подробно писать которых смысла не имело. Для трехминутного сюжета слов губернатора — за гланды. Остальное — в качестве картинок на закадровый текст. Но разве Жеку оставишь? Его тяга к архивированию событий была болезненной и неистребимой. Он, как Плюшкин, тащил в редакцию все подряд («а вдруг пригодится!»). Впрочем, изредка бывали случаи, когда его архив выручал («а что я вам говорил?!»), и выручал всеерьез («то-то же!»).

Губер тем временем подошел к своему спичрайтеру Понтюхину. (Ох, ненавидел Мишка эти импортные, мудро выделанные словечки, которыми обозначали бессмысленную пустоту чиновной свиты.)

— Понял? Вот так мне пиши! — прогудел вполголоса губер, наклонив лобастую башку в сторону унылого Понтюхина. — А то намарал пять страниц про историю культуры края. Кому здесь нужна эта шнобелевская лекция?

— Ну... Это так... Для пресс-релиза... Туда... — спичрайтер возвел печальные очи вверх.

— А... Ну, если туда... — хмыкнул губер. — Что там у нас дальше?

Понтюхин, исполняющий обязанности еще и руководителя службы протокола (о, благословенная оптимизация!), суетливо начал рассказывать о следующих реперных точках утреннего маршрута своего патрона.

Мишка с тоской прикидывал, сколько сегодня времени вылетит впустую, в трубу, под хвост губернатору (или куда там еще) до того момента, когда можно будет сесть в студии и на скорую руку сверстать очередной бессмысленный и беспощадный сюжет о тяжелейшем труде представителей законно избранной власти...

* * *

Следующим пунктом губернаторского налета значился Дворец творческих инициатив. Бывший Дворец культуры, реконструированный по какой-то федеральной программе, на некоторое время стал визитной карточкой города. Здесь нашли приют все мыслимые, немислимые и слабо осмысляемые передвижные выставки, инсталляции и перформансы (от этих слов Мишку тоже воротило, так же, как и от персоналий, воплощающих их в жизнь).

Теперь залы всего первого этажа были отданы под грандиозную экспозицию, описывающую долгий творческий путь «Человека-Возрождения».

Губер прошествовал в сопровождении министра культуры в кабинет директора дворца. Пресс-подход был назначен через полчаса, значит, можно слегка выдохнуть, вдохнуть, перекурить и осмотреться.

В каждом зале шла своя пресс-конференция, куда слетелись акулы пера федерального-регионального посла.

Пока Жека запечатлевал витрины, стеллажи, экспонаты, ведущих и коллег с микрофонами (и для истории, и для архива, и для сиюминутного спецрепа), Мишка отошел к фуршетному столику в углу первого зала. Вышколенные официанты с подносами хореографично лавировали между гостями.

- Шампанского? Привет, Миш!
- Привет, Витек. Ты же знаешь, это не мое.
- Тогда чаю. Пр-р-рошу!

Жестом фокусника старый знакомый официант выудил откуда-то из-за фуршетного столика литровый заварной чайник и стакан в подстаканнике:

- Чай сегодня у нас хороший. Армянский. Но без лимона.
- Не страшно, Вить. Ты его только кипятком не разводи, букет поломаешь.

Витек хмыкнул, налил полстакана темно-янтарной жидкости и вопросительно посмотрел на Мишку.

- В самый раз. Спасибо, брат, согрел в суровую зимнюю пору.
- Обращайтесь, — расплылся Витек и упорхнул в сторону вип-персон.

Вкушая из стакана в подстаканнике мелкими глоточками дары виноградарей Арарата, Мишка неспешно двинулся по импровизированному музею. Чтобы составить свое впечатление и об экспозиции, и о легендарном юбиляре.

Пройдя несколько залов, в которых не за что было зацепиться взыскательному Мишкиному взгляду, «корреспондент губернаторского пула» уткнулся в широкую спину Эдика, коллеги-газетчика, с которым когда-то вместе начинали топтаться на поприще угасающей гласности.

— Приветствую тебя, в тираж идущего! — буркнул Эдик, прихлебывая из своего стакана. — Ты, я смотрю, тоже с утра — по чайку?

- Что ты, что ты... Где я и где утро, — усмехнулся Мишка.

Зал был посвящен недолгой деятельности Лисницкого на посту председателя Всесоюзного театрального общества. Музейщики за толстыми витринными стеклами воссоздали председательский кабинет: стол-бегемот, два приземистых кресла, кожаный диван, книжный шкаф. На столе — листок, придавленный пресс-папье, с известным текстом заявления: «Прошу уволить меня по состоянию здоровья отечественного театра, близкому к коматозному. Лисницкий».

Об этих экспонатах монотонным голосом профессионально выгоревшего гида вещал театральный историк Мстислав Григорьевич Балкин. Журналисты и гости разных рангов с уважительными лицами и печальными глазами следили за витиеватыми экзерсисами Балкина.

- Хошь чисто поржать? — шепнул Эдик Мишке.
- Ну, если только чисто... Валяй!
- Зырь, — отсалютовал подстаканником Эдик.

Улучив момент, когда лектор завершит фразу и начнет набирать в легкие воздух для следующей тирады, провокатор кашлянул и поставленным голосом уронил в тишину зала:

— Эдуард Раппопорт, «Утренние ведомости». Скажите, пожалуйста, а правда, что Ростислав Исаевич очень тепло относился к пятнадцатилетнему виски?

— Что? А... Ну... Знаете, Ростислав Исаевич вообще очень тепло относился ко всему пятнадцатилетнему. Не только виски. Если вы понимаете, о чем я.

- Не совсем. Будьте добры, поясните несведущему.
- Стыдно, молодой человек, ваша профессия обязывает быть сведущим.
- Согласен. Тогда поясните для наших читателей.
- Я надеюсь, что ваши читатели более осведомлены в перипетиях нашей околокультурной жизни, уважаемый Эдуард... Э-э-э... Репортер.
- Раппопорт.
- Вот именно. Всего хорошего. Итак, господа, если вопросов про виски больше нет, я позволю себе сделать небольшой перерыв.
- Мстислав Григорьевич раздраженно откланялся и торопливо вышел из зала.
- Чего это он? — удивился Мишка.
- А, так ты тоже не в курсе перипетий? Лисницкий в свое время набирал школьников для своего фильма «Где зимует детство». Его в министерстве очень попросили пристроить в картину дочурку одного нужного папы.
- Этого папы?
- Этого папы. Дочурка оказалась патологически бездарной, но с характером прима, что ты... Ее претензии на главную роль Лисницкий пресек на корню, а потом и вовсе выгнал. Ага. Она с обидки наплела папаше, что режиссер ее лапал в гримерке. Шуму было...
- А не лапал?
- Лапал бы — сидел бы. Время такое было. Жесткое. Он наедине ни с кем из съемочной группы никогда не оставался. Принцип у него такой был. Да. А папаша сегодня, как видишь, не у дел. Таков удел.
- Смешно... За что ты его так?
- Эдик пожал плечами:
- Не люблю. Может, еще по чайку?
- Не. Мне еще мотаться сегодня.
- Как знаешь... Будь!

Мишка в свою очередь отсалютовал Эдику подстаканником и пошел в следующий зал. Не то чтобы пополнение стакана помешало, просто Мишка хорошо помнил, куда это пополнение заводит в сочетании с ведущим корреспондентом «Утренних ведомостей».

* * *

В центре экспозиции, лирично названной «Романы романтика», среди витрин, планшетов и баннеров с портретами многочисленных поклонниц Лисницкого, их и его письмами, гербариями и прочей мишуры высилась статная фигура театрального критика и эксперта в области современной драматургии Ады Григорьевны Поярковой, вещавшей для очередной группы журналистов:

— Многим, наверное, доводилось читать в «желтой прессе» о том, что Ростислав Исаевич был бабник. Самое обидное, что подобный вздор подхватили и уважаемые издания. Увы. Чего не сделаешь ради тиража... Я хочу сегодня заявить: это ложь. Никогда Ростислав Исаевич бабником не был. И Казановой — тоже. Он — Дон Жуан чистой воды. Каждую свою женщину он боготворил. Каждая из его женщин на определенный срок становилась его музой. И каждой из них мы должны быть благодарны, что появлялись новые фильмы, новые сценарии, новые песни Лисницкого. Все то, что сегодня объявлено его творческим наследием. Невероятно обаятельный Ростислав Исаевич каждой своей избраннице отдавал всего себя без остатка. Искренне. На всю катушку. Как в последний раз. Так любить и так отдавать себя мог только он. И его женщины это чувствовали. И даже после расставания оставались ему благодарны. Мне

не довелось попасть в «донжуанский список» Лисницкого, но у меня есть несколько подруг, хорошо знавших Ростислава Исаевича с этой стороны. Пострадавших от чувств Ростислава Исаевича — нет. Это были взаимообогащающие отношения. Конечно, любвеобильность художника не могла не сказаться на его семейной жизни. Но из песни слова не выкинешь. Свой развод Ростислав Исаевич переживал тяжело. Оставив бывшей супруге квартиру на Шестой Пятницкой и забрав сына и дочь, маэстро переехал в...

Мишка, не желая слишком глубоко погружаться в околобиографические маршруты юбиляра, направился дальше.

* * *

На пути скучающего журналиста оказался объект, который был оборудован в виде малого зала камерного театра. Софиты выхватывали из темноты небольшой сцены три кресла, в которых вальяжно разместили свои личности приглашенные знаменитости и ведущий, четыре ряда кресел, имитирующие зрительный зал, были заполнены наполовину.

— ...Никому и в голову не приходило, что все эти годы Ростислав Исаевич платил зарплату худруку коллектива из своего собственного кармана, — говорил один из гостей на сцене. — Подробности выяснились совершенно случайно, и, как мне кажется, Лисницкий был весьма этим недоволен...

— Да. Так ведь я же в самом начале сказал, что он человек патологически непрактичный, — подхватил беседу второй «гвоздевой» гость. — Я вспоминаю, как мы вели съемки в Тадж-Махале. Да. Программа «Время» поставила задачу снять репортаж, как наша правительственная делегация культурно проводит свободное время. Да. А несмотря на разницу в возрасте (все ж таки двадцать лет, между прочим!), мастер требовал, чтобы я обращался к нему на «ты» и по отчеству. И вот мы все отсняли, смотрю, от группы отделяется Леонид Ильич.

— Брежнев? — уточнил ведущий.

— Брежнев. Да. А мы с Исаичем смотрим и понять не можем: куда он идет-то? Кругом никого, кроме нас, нет. Оказывается, к нам. Подходит, на минуточку, целый генсек, протягивает Исаичу руку и тихим извиняющимся голосом говорит: «Выбросьте, пожалуйста, куда-нибудь, я тут урны не вижу...» Да. А в руке у него — окурочек. Чистота, надо сказать, там вокруг изумительная. Да. Исаич говорит: «Не переживайте, Леонид Ильич, сделаем!» И что вы думаете, он с брежневским окурочком сделал?

— Что?! — затаив дыхание спросил ведущий.

— Выбросил. Лет через двадцать с лишним я у него спрашиваю: «Исаич, не жалеешь, что брежневский бычок выбросил? Знаешь, сколько сейчас на аукционе можно было бы заработать...»

— А он что? — снова не вытерпел ведущий.

— А он говорит: «Да? А если б тебе туалетную бумагу дали, ты бы ее тоже для аукциона приберег?»

— Да вы что...

— Я же говорю, непрактичный совершенно!

— А с нами на связи Альберт Асмолов! — воскликнул ведущий, словно радуясь возможности переменить тему. — Здравствуйте, Альберт Романович!

На стене за спинками кресел вспыхнул огромный экран, на который с трудом помещалось изображение седой кудлатой головы известного скульптора-монументалиста.

— Добрый день, друзья. Я частично слышал вашу дискуссию, и мне захотелось внести свою лепту... Почему-то на память пришла история, которую я сам видел. Дело было в ресторане Дома литератора (уж не помню, по какому поводу там собралась наша чест-

ная компания, да и неважно). Расходились уже глубоко за полночь. И вот Андрей Битов предложил Ростиславу отправиться по домам вместе с ним на такси. У Лисницкого, судя по всему, вся наличность осталась в ресторане, а безналичности в те времена еще не было. И Слава в ответ на приглашение Андрея пробурчал: «Я пешком. Что-бы потом не говорили — Битов не Битова везет». И похромал, скрипя протезом, к себе на Новую Хордынку, где он тогда снимал квартиру. Вот такая...

— Так я снова и снова нахожу подтверждение своим словам! — вклинился неугомонный свидетель брежневского бычка. — Исаич всегда был абсолютно непрактичен!

Мишка заглянул в свой стакан. Он был пуст уже не наполовину, а вовсе. Решив пополнить запас психологической прочности для дальнейшей работы, журналист направился в тот зал, где встретил знакомого официанта.

Зал был безлюден. Столик, за которым прятался нужный чайник, задвинут в угол. Мишка грустно поставил ненужный уже стакан с подстаканником на свободное место и двинулся в буфет.

* * *

Народу здесь было гораздо больше, чем во всех залах, вместе взятых. Мишка оценил очередь. Да, так можно и не успеть к пресс-подходу... Или рискнуть? Он спросил, кто последний, и набрался терпения. Перед ним стояли и оживленно спорили две актрисы, достаточно известные, чтобы помнить их имена. Но Мишка не помнил.

— А я тебе говорю, что все это вздор полнейший и показуха! Даже не так! Это липа чистой воды! — кипела маленькая и полненькая в красиво уложенном парике.

— Да ну перестань! Кому это надо? — перечила ей тоже невысокая, но более стройная и в собственной прическе.

— Кто грант отработывает, вот кому. И Пояркову купили. Ах, «Романы романтика»! Ты про его внебрачных детей что-нибудь когда-нибудь слышала? Нет? Вот и никто не слышал! А так бывает? Какие романы? Какого романтика?

— А ты будешь доказывать, что у него романов не было?

— Да куда там! Послушай! — толстуха настолько понизила голос, что Мишка с трудом угадывал ее слова, больше читая по губам. — У моей соседки по даче сестра в их клинике в регистратуре работала. Так вот она рассказывала, что у него в карточке уже лет с тридцати в графе «анамнез» стояли две буквы. «Э» и «д». Понимаешь?

— Нет.

— Дура ты! Это значит «эректильная дисфункция»! Вот тебе и все романы.

— Да ну...

— Вот тебе и «ну». А еще, между прочим, про его дочь говорили, что...

Мишку почти физически замутило. Захотелось на свежий воздух из этого оазиса культуры. И он направился в курилку.

* * *

Если бы кому-то пришло в голову на практике проверить поговорку про повешение топора, лучшей лаборатории не нашлось бы. Кто-то, правда, попытался приоткрыть окно, но намного свежее в курилке от этого не стало.

Смена атмосферы облегчения Мишке не принесла. Здесь тоже кипели споры. И тоже — вокруг личности юбиляра.

— Да? А дочка с сыном тогда у него откуда? Суррогатного материнства тогда еще не было! — задира собеседника Петя Молоканов, режиссер областного ТЮЗа.

— А ты им тест на родство проводил? — размахивал дымящейся трубкой редактор еженедельника «Кино. Театр. ТВ» Савелий Трохин. — Нет. И никто не проводил. И где они сейчас? Сын в Канаде, дочь в Чехии. И не видели родного папу лет двадцать. Вот тебе и ответ.

— Ну, положим, это еще ни о чем не говорит...

— А то, что он четыре года отсидел по статье за мужеложство, тебе о чем-нибудь говорит? Четыре! Года!

— Да болтовня все это! Чмо какое-то лягнуло, а все повторять кинулись!

— Не чмо! Хочешь, я тебя познакомлю с автором той публикации? Пошли! Но с тебя пол-литра!

Интеллектуальные дебоширы вместе с клубами дыма вывалились в коридор. Мишка присел на освободившуюся лавку. Напротив докуривал свою «беломорину» известный оператор Коваленко, ученик Лисницкого. С Мишкой они были знакомы по разным фестивалям.

— Александр Алексеевич, вас не мутит от всего этого?

— От чего, Миш? От трепотни этой? Каждый дышит, как он слышит... Знаешь, Исаича тогда планировали поставить директором «Мосфильма». Он посомневался, но настроился. А тут кому-то из ЦК понадобилось пристроить своего зятя. Исаич — на дыбы. Ему на пальцах объяснили, что если будет ерепениться, вообще отправят в тайгу комаров кормить. Тогда он уехал из Союза преподавать в странах соцлагеря. Вернулся уже при Горбачеве. Кстати, зятя того так и не пристроили. Все быстро менялось... А слухи кто-то распустил. До сих пор всплывает это... Нетонущее...

— А почему вы не расскажете?

— За честь мастера и все такое? Это у меня журналист спрашивает? Миш, восприятие информации — вопрос веры. Почти религиозной.

— Да ладно...

— А ты отбрось профессиональную гордость и подумай. Мы все, что слышим и видим от вас, воспринимаем на веру. Вот пропал малайзийский «боинг». Вылетел и исчез над океаном. Все об этом сообщили. И все приняли на веру. А вылетал этот самолет или нет? Был ли вообще этот «боинг» в природе?

— ...И есть ли вообще страна Малайзия...

— Совершенно верно. Ты там был? И я не был. Вот ты посмотрел фильм о героическом покорении Луны американскими астронавтами. И проникся их подвигом. Потому что поверил, что так оно все и было. А потом посмотрел фильм, разоблачающий всю эту астрофизическую лунную аферу. С доказательствами. Со свидетельствами. И поверил, что тебя в том первом фильме надули. И будешь в это верить до тех пор, пока не узнаешь, что второй фильм — рекламный проект компании, занимающейся черным пиаром. Так они продемонстрировали мощь своих технологий. А были американцы на Луне или не были... В принципе, тебе же все равно. Это никак не влияет на твою жизнь.

— А как тогда...

— Да никак, Миш. Я знаю то, что знаю. Например, знаю, что Исаич развелся из-за меня.

— Как это?!

— А так. У меня тогда тройня родилась. Дело неслыханное. А мы в общаге, в комнатухе в девять метров. Конечно, стоим изо всех сил в очереди на улучшение. И вдруг через пару месяцев вызывают: «Коваленко! За ордером дуй давай!» Трешка! Ты понял? В новом доме... Видишь, как советское государство ценит молодого специалиста! Да? Шиш там. Я только много лет спустя узнал, что Исаич свою очередь нам уступил.

И видать, это последняя капля была. Жена от него ушла и детишек ему оставила. На добрую память. Так вот для меня эта история — факт из моей биографии. И для Лисницкого. А для тебя — информация, которую ты принимаешь на веру. Или не принимаешь. Вот и все. А я за Исаича до конца дней своих свечку в церкви ставить буду.

У Мишки брякнул смартфон. Сообщение: «Пресс-подход через пять минут».

* * *

Губернатор, набравшийся положительных эмоций в обществе министра культуры, директора дворца и стаканов в подстаканниках, почти слово в слово повторил свою прочувствованную речь, сказанную при открытии мемориальной доски, на чем, собственно, пресс-подход был исчерпан.

Съемочные группы разошлись упаковывать оборудование, а губер обратился к Понтюхину:

— Виталик, что там у нас завтра с продолжением этой культурной программы?

— Завтра, Анатолий Дмитриевич, у нас открытие двадцатого фестиваля авторской песни имени Лисницкого, а затем съемки для гала-концерта в Отстанкино.

— Ну и ладно... Слушай, Виталик... Или кто-нибудь еще... Объясните мне, а почему нигде не указаны годы жизни нашего героя?

— Так это... Анатолий Дмитриевич... Сто лет же ему...

— Да я не глупей паровоза, помню, что сто лет. Но годы-то жизни как-то принято писать, нет?

— Так родился он в 1918 году...

— Ну?

— И все...

— Что все?!

— И теперь ему сто лет...

— Не понял... Он живой, что ли?

— Н-ну... Да...

Губернатор побагровел.

— Ты... Ты что меня дураком выставляешь, а?

— Анатолий Дмитриевич, да как же... Там же в вашей речи... На четвертой странице...

Губер скрипнул зубами.

— Где. Он. Теперь.

— В Доме ветеранов искусств в Коломникове...

— Зараза... Так. Одна нога здесь, другая — в моем кабинете. Поздравительный адрес. По дороге купишь букет. Получше. Нет. Корзину с цветами. И что-нибудь к чаю. И позвони в этот дом. Вперед!

Губер обвел взглядом всех присутствующих, и Мишка понял, что съемки продолжаются...

* * *

Въехать на территорию Дома ветеранов не получилось: перед самыми воротами дорогу губернаторской кавалькаде перегородила траншея. Рабочие с любопытством глазели, как VIP-делегация месит грязь лакированными башмаками в сторону нескольких кривых досок, перекинутых через траншею метрах в тридцати от калитки.

Наконец гостеприимно распахнулись автоматические двери, и высокие гости втекли в холл. Их тут уже поджидали: бойкие сестрички стремительно облачили вошедших в одноразовые белые халаты.

— Старший медбрат Артем Одинцов, — отрапортовал главный из бригады встречающих.

— А... А где заведующий? — удивленно вскинул бровь губер.

— Петр Алексеевич, к сожалению, в командировке, но вы не беспокойтесь, мы всегда готовы к встрече любых посетителей.

— Ну, веди нас к юбиляру, брат. Мед. Брат, — устало попытался пошутить губернатор. — Где у нас виновник торжества?

— В палате номер сто седьм... Ой! В сто шестой.

— Ну конечно, где же еще быть гению русской культуры, как не в палате номер шесть! — продолжил угрюмо веселиться на камеру властитель региона.

Окружающие понимающе покивали и сдержанно хохотнули.

— У тебя кассеты хватит? — выдохнул Мишка Жеке в ухо.

Тот кивнул. Любой оператор терпеть не может, когда его отвлекают, да еще по пустякам.

— А аккумулятора? — продолжал от нечего делать развлекаться Мишка.

Жека, не отрываясь от видеоискателя камеры, показал кукиш.

В одноместной палате мерцал каким-то политическим ток-шоу телевизор.

Из кресла необыкновенно ловко поднялся худощавый старик в выброшенном на плечи пиджаке, который сиял кирасой от разнокалиберных наград. Их перезвон показался почти колокольным в оторопевшей тишине.

Губер сглотнул плохо скрываемое смущение и откашлялся.

— Дорогой Ростислав Исаевич! Я счастлив сегодня поздравить вас со столь значимой датой в вашей... да и в нашей жизни! В жизни всего нашего региона!

Юбиляр слушал экспромт губернатора с нескрываемым любопытством, а в глазах старика прыгали детские искорки. Мишка вдруг подумал, что именно с такими глазами малыши выбегают навстречу вернувшейся из магазина матери: «Че купила?»

После словесного меда губернатора в красноречии упражнялся министр культуры, потом — директор Дворца творческих инициатив. Когда накал торжественного момента поутих, пришло время протокольного чаепития. Стол, накрытый на четверых, объединил именинника и губернатора со товарищи.

— Я, признаться, Ростислав Исаевич, представлял вас несколько повыше, — завел неформальную беседу губернатор.

— Так возраст, голубчик, возраст, — усмехнулся в легендарные «буденновские» усы юбиляр. — Куда деваться. «Груз тяжелых дум наверх меня тянул, а крылья плоти вниз влекли, в могилу», как сказал поэт.

— Ну, туда торопиться не надо. Мы с вами еще не одну мемориальную доску откроем. Такие сейчас перспективы для жизни, для творчества! — оседлал своего конька-горбунка министр культуры.

Потекла неспешная светская беседа. Виновник торжества был немногословен, больше кивал да поддакивал, изредка вставляя свои «шестнадцать копеек», посверкивающие фирменной картavinкой. «Вот бы с ним хорошее интервью записать... Да куда там... Опять скажут, не наш формат», — вздохнул Мишка.

В какой-то момент губер надкусил конфету из коробки, доставленной Понтюхиным, поморщился и притянул слугу протокола за рукав.

— Ты где это взял? — шепнул губер на ухо ординарцу.

— Так в вашем кабинете, в шкафу...

— Идиот, — с многообещающей ласковой улыбкой уронил глава региона.

Понтюхин побелел.

Наконец протокольный чай был выпит, о торжественных мероприятиях в честь — адресату доложено, корзина цветов и папка с поздравлением вручены, пора и честь знать.

Випы откланялись и отправились на выход. Аудиенция в Доме ветеранов завершила еще один тяжелый день в жизни губернии.

* * *

Жека старательно снимал детали для перебивок. В этом он был педант, чем обычно доводил Мишку до белого каления. Но не сегодня. Чего он там опять?.. О.

Орден Красной Звезды с отколотой эмалью на верхнем луче и изрядно побитая медаль «За отвагу» как-то стыдливо выпадали из рядов блестящих юбилейных, профессиональных и прочих премиальных знаков внимания государства.

— Ростислав Исаевич... А вот о боевых наградах расскажите нам, — неожиданно негромко попросил Мишка.

— Эх, молодой человек, — грустно усмехнулся герой дня, — я, знаете ли, без пред-
рассудков, и когда меня сегодня начали поздравлять с юбилеем, не стал спорить. Хотя до моего девяностолетия почти месяц. И когда меня весь вечер называют Ростиславом Исаевичем, я тоже молчу, хоть Остап Ибрагимычем, раз уж не Ильей Петровичем... Но отвечать за награды с чужого пиджака — это перебор. Не находите?

Мишка выстрелил взглядом в Понтюхина. Тот уставился на медбрата. Одинцов встрепенулся и просочился в коридор.

Мишка выскочил за ним и успел ухватить за халат.

— Ну?!

Видимо, Мишкина физиономия сияла такой выразительной неприличностью, что Одинцов залепетал на одной ноте и на едином выдохе:

— А что я должен? Зав сказал: «Делай что хочешь, но дай мне бодрого деда! Чтoб я сказал: «Ай да фрукт!» Где я фрукт возьму на нашей овощебазе? Ладно, вон Петрович еще более-менее при своей памяти. Я его побрил, наплел, что губер приедет поздравлять заранее, телевидение потом покажет, в день юбилея.

— А пиджак?

— А за пиджак — сказал, что ему, как известному актеру, надо предстать в каком-нибудь образе, например, в образе Лисницкого и в его пиджаке.

— Все?

— Все...

На Мишку вдруг навалилась дикая усталость. Словно тумблером щелкнули. Чик — и тишина в эфире. Вместе с «чиком» пришло безразличие. «Да пошло оно все...»

Вернувшись в сто шестую палату, он спросил Жеку:

— Крупных планов губер набрал?

— А то!

— Ну и ладно. Давай еще юбиляра со спины подними, и поехали.

— Так уже поднял. Пока ты разборы чинил.

— Ну и... Спасибо, Илья Петрович! С наступающим вас!

Псевдоюбиляр кивнул и, усмехнувшись, потянул себя за правый ус.

— Медбрата отдайте, может, пригодится еще.

Уставший удивляться Мишка (тумблер: «Чик!») кивнул и пихнул театральную растительность в карман халата.

— Здоровья вам!

Рукопожатие у Петровича оказалось крепким. Для девяностолетнего-то фрукта...

* * *

Вечер давно уже затянул окна густыми шторами. Процедуры (кому положено) проделаны, витамины (кому прописаны) поставлены. На стенах затеплились ночники.

Жилец палаты номер сто семь лежал, по обыкновению глядя в потолок. Сегодня старика с утра особо тщательно помыли, аккуратно сбрили щетину на щеках и подбородке, «буденновские» белые усы расчесали, а постель застелили свежим бельем, от которого, как в детстве, пахло улицей...

«Видать, праздник...» — подумал старик.

ЧУЖИЕ ОГОРОДЫ

Человек хотел есть.

И — не ел.

Не то чтобы у него не было еды. Напротив, холодильник был забит пусть и не самыми изысканными продуктами, но съедобностями, вполне достойными взыскательного желудка гурмана.

Было чем эти продукты и запить. Но бар и коллекция рюмок напрасно томились в ожидании своего хозяина.

Депрессия?

Да нет, пожалуй, так — просто фантастически мерзотное настроение.

В таком настроении ему, несмотря на богатую комплекцию, было противно даже думать о еде, а вы говорите...

Ах, это не вы говорите? А, радио... Ну да...

Там много чего говорят смешного, не имеющего ничего общего с действительностью...

Например, нашего голодающего по воле своего взбалмошного характера знакомого уже неоднократно по радио принародно (даже точнее — при всенародно, ибо радио это федерального значения, а не местечковая FM-трепалка) называли гением двадцать первого века.

Нет, ну сам-то он только гыгыкал, когда это слышал, но остальные-то «россияне», все еще имеющие нелепую привычку принимать на веру все звуки из любого репродуктора, транзистора и ретранслятора, наивно полагали, что это так и есть.

По радио же сказали, что ты...

Нашего персонажа звали Марс. Так прямо в паспорте и написано: «Марс». Хотя он не был представителем ни Уфы, ни Казани, а вот поди ж ты... И кстати, в паспорте его неказанско-неуфимское происхождение тоже было отражено: «Белкин». А не как-нибудь иначе. Марс Белкин.

Ну что делать, если его угораздило родиться в год покорения космоса. Тогда все только-только забредили межпланетными полетами, и офанатевшие родители нарекли первенца Марсом. Спасибо, хоть не Юпитером...

Директор Марса переименовал.

«Нет, ты сам-то подумай! — пыхтя и отдуваясь, утирал лысину директор. — Конечно, если ты жаждешь всю жизнь фотографировать детишек в садиках и прыщавых подростков для выпускных альбомов, то ничего, сойдет и так! Какая им разница? Хоть „Марс“, хоть „Сникерс“! Но если ты хочешь делать блестящую карьеру (а я тебе ее организую в полгода!), то никакой этой кондитерщины! Забуди!»

«Ага. Мне и паспорт переписать? Иван Айвазовский, типа?» — попытался взбрыкнуть будущий гений и светило отечественной художественной фотографии.

«Айвазовский — это перебор, — поморщился директор и пощелкал пальцами, словно вызывая из небытия новые конструктивные идеи. — Сильно отличаться не должно... Не должно... Нет... не надо этого... Айвазовский? Нет. Нет-нет... Марс... Марс... О! Марк! Да! Марк! Отлично! Годится! Да-да-да! Что? Заткнись! Тебя никто не спрашивает! Как там тебя — Белкин? Да! Нет! Не Белкин, а Беклин! Вот! Всего две букво-

ки в фамилии меняем местами, одну заменяем в имени — все! Другой человек! С этим уже можно работать! А то „Марсик-Барсик“, тьфу! Самому-то не противно?»

Да нет, не было ему противно, потому как привык.

Хотя...

* * *

Мистер Дастин Ретфорд был вне себя.

До открытия ежегодного Голдстоунского фестиваля в Ворлд Галери оставалось меньше месяца, а претендента на высшую награду фестиваля — нет.

Это неловкое чувство, как если бы тебя пригласили на вечеринку по случаю помолвки твоего племянника, где все собрались, включая родителей и друзей, и тут вдруг выясняется, что нет ни виновников торжества, ни шампанского, из закусок — только какой-то вздор из итальянского ресторана, а у тебя вдовавок разошлась молния на ширинке.

Отсутствие минимум двух претендентов на статуэтку «Голд стоун» означало провал фестиваля.

Провал фестиваля означал падение с лестницы, которую Ретфорд выстраивал больше четверти века.

Падение означало катастрофу, после которой почти невозможно оправиться.

Это нокаут.

Все.

С тобой перестают здороваться.

Первыми — те, кто еще на днях мечтал видеть себя в списке спонсоров, а последними — те, кто еще вчера умолял дать автограф...

Главной изюминкой фестиваля все эти годы был скандал. Обязательный, всенепременнейший скандал! Когда публика, глядя на работы высших номинантов замирает в шоке, а потом взвизгивает: «Оу! Это совершенно невыносимо!» И еще год после этого главные редакторы рвут друг другу глотки за право тиражировать работы, вошедшие в шорт-лист...

Да, в этот раз работ второго эшелона было более чем достаточно.

Но что касается гвоздя, большого ржавого гвоздя в пятую точку общественного мнения — вот этого не было и в помине.

И вы считаете, что в подобной ситуации были бы спокойны? Бросьте! Не поверю!

Агенты Ретфорда спали уже часа по три, пытаюсь в остальное время суток выцепить хоть что-нибудь мало-мальски подходящее.

И вдруг...

Нет...

Не может быть!

Пол Карпински, двадцатидвухлетний поляк, родившийся в Оклахоме, на которого смотрели как на необходимое недоразумение и неизбежность, подобную пока еще не вырезанному аппендициту, ворвался в кабинет мистера Ретфорда, минуя секретаршу.

Такой фортель означал либо грядущее повышение Пола по службе, либо его скорое самоубийство. Но вечно неунывающий поляк вместо приветствия протянул Дастина Ретфорду свежий номер журнала «Прайм».

— Что? Что?! Ну... — только и воскликнул в первые секунды мистер Ретфорд, бросив взгляд на обложку журнала.

— Да? А? Не так ли? — уморительно сморщив конопатый нос, пробурчал Пол.

— Да так! Так! Разорви тебя бегемот! Найди мне автора! Живо! А потом сможешь обналичить свою вечно пустую карту... Давай-давай-давай!

Пол выскочил из кабинета, лихорадочно прикидывая, на что потратит обещанную премию...

* * *

Прореченная директором метаморфоза действительно произошла. Имя «Марк Беклин» лет пятнадцать назад открыло те двери, которые были закрыты для «Марса Белкина». Конечно, не только имя. Но и те хрустящие бумажки, которые во все века лучше любой отмычки вскрывают какие угодно двери, ведущие на олимп. Бумажки эти принадлежали директору. И они позволяли говорить ему то, что он на днях высказал Марсу... или как там его теперь?

«Я в тебя столько бабла вбухал, а ты в меня теперь свои ерепеньки кидать? — бушевал директор, с трудом переводя дух в столичном, пахнущем горящими торфяниками воздухе. — Дурачок! Проект „Марк Беклин“ создан не для того, чтобы ты что-то там о себе думал! Ты кто? Ты — какой-то там Марс Сникерсович, вот ты кто сам по себе! А все то, чего ты достиг, — это результат нашего совместного труда! Чего лыбишься? Ты пока кнопочки на своем фотике давишь, я в это время пороги обиваю в кабинетах всякой гламурной сволочи! Чтобы Марк Беклин не слезал с их страниц! И что в ответ?»

«Да ладно! Я же отрабатываю! Как говорится, „все в дом, все в семью!“ — вяло попытался протестовать Марс.

«Молодец. Еще бы ты не отрабатывал! Уже щелкал бы лица передовиков на своей фабрике! Или где там? В колхозе?» — раскалился директор.

Марс уже давно понял, что лучше отмалчиваться, потому что директор изо всех сил старался вывести Марса из равновесия, чтобы потом насладиться своим положением директора, спонсора и хозяина Марсовой судьбы в одном лице. Поэтому «спокойствие, только спокойствие», как говорил великий Карлсон...

«Что это? А? Я тебя спрашиваю! Что это?» — директор размахивал только что отпечатанным постером.

«Да что просили, то и это!» — отмахнулся Марс.

«Что ты, милый! Ты приболел? Нет? Я просил символ новой России! Я просил взорвать креативом устои посттоталитарного общества, а ты мне что суешь? Рекламку „Аэрофлота“ из семидесятых? А?»

«Чего надо-то? Девоч просили? Нате вам девочек! С элементами эротики? Нате вам с элементами! Символ России? Нате вам символ! И Россия, и демократия по цене мавзолея — чего еще-то?» — не выдержал-таки оскорбленный художник.

«Тыфу ты-й... — выругался в сердцах директор. — Для дебилов поясняю. То, что ты намалякал — эти девки в тюлевых занавесках на фоне Кремля, — это прошлый век. Нет! Это даже прошлое тысячелетие! В таком ключе реально делали рекламу для интуристов в начале семидесятых. Я тебе завтра календарик принесу из своей коллекции, плагиатчик хренов...»

«Кто?!»

«Заткнись и слушаю дяденьку директора. Сейчас мы делаем не для интуристов. Сейчас мы сами — интуристы на этом празднике жизни. Мы должны сделать что-то дерзкое, яркое и незабываемое! Чтобы минимум полгода светиться на первых местах по всем нужным рейтингам! Ты пойми... Да, то, что ты сделал, — это хорошо. Это красиво. Но это не нужно...»

«Красиво — не нужно?»

«Нет. Не нужно. Тебе это нужно, а им это не нужно. А нам должно быть нужно то, что нужно им, потому что они от нас этого ждут!»

«Сам-то понял, что сказал? Без стакана не всосать...»

«Вот поэтому я — твой директор, а не наоборот. Не перебивай. Ты думаешь, фильм „Отвращение“ Звякинцева получил международный приз потому, что это гениальное произведение? Чуть! Просто жюри увидело в нем ту Россию, которую они ожидают и, главное, хотят! — хотят видеть: мрачную, странную, темную, непонятную и потому страшную... А почему Мамонтову после „Апострофа“ в Италии руки целовали — знаешь? Ни хрена ты не знаешь!.. Чего сидишь? Наливай, раз обещал!.. Так вот Мамонтову руки целовали потому, что увидели в фильме „Апостроф“ в лице мамонтовского персонажа бунт против официальной РПЦ, а это любому католику как тебе двенадцатилетний „Джонни Йокер“... Понял, остолоп?»

«Ни хрена не понял. Будем!»

«Будем! Все ты понял, гад. Все эти конкурсы и фестивали задают общемировой курс, тенденцию в моде, вектор креатива, по которому в ближайшее время будет развиваться то или иное течение. Хочешь быть в струе — следуй».

«В струе? Не, не хочу. Хочу поперек струи».

«Валяй. Только сам. Без меня. Много ты наперек-то сделаешь, умник? Хренушки, заюшки. У тебя пара дней. И все. Хорош халтурить и бухать. Работай! Нам еще долги добивать за твою студию и за новую машину...»

* * *

Тюлька и Парафин не были мужем и женой. Даже сожителями их можно было назвать с изрядной долей иронии.

Парафин жил в пятикомнатной коммуналке на первом этаже. И жил как король.

Король в коммуналке? — удивляетесь вы.

Элементарно, джентльмены!

Ибо три комнаты из пяти пустовали и находились под замком (муниципальная собственность, понимаешь!), в четвертой с незапамятных времен жил Парафин, а в пятой дверь была выбита еще в начале горбачевского «сухого закона», потому пятая комната постепенно «опарафинилась». Ну, в смысле, Парафин ее тихой сапой подмял под себя.

Вообще про Парафина ходили мутные слухи. Поговаривали, что он из «сидельцев». Хотя характерных синих перстней на пальцах не носил. Однако любил метать в дверь своей комнаты заточку, сработанную из где-то раздобытого штыка трехлинейки. Потому лишний раз открывать дверь к нему в комнату никто из здравомыслящих алконавтов не желал, да Парафин и сам никого не приглашал в свои «апартаменты»: шумные компании собирались на «нейтральной земле» — на как бы приватизированной Парафином второй комнате.

Когда-то среди регулярных компаний, празднующих удачную сдачу посуды (а позже — металлолома разного цвета), в «гостиной» Парафина появилась Тюлька. Тихая забудыжка, давно сбившаяся со счета своих бой-френдов, квартир, комнат, гаражей и помоек, где она ютилась в ожидании своей Птицы-Удачи.

И Удача, похоже, повернулась к ней своей пропитой рожей. У каждого ведь своя Удача, не так ли?

Парафин гонял Тюльку за водкой и закусью; гонял за деньгами по соседям; иногда и просто гонял из удовольствия: «штовб, значить, знала, где хозяин в доме кто!»

Деньги жлобивые соседи Тюльке давать перестали уже давно. Да задолбала потому что! Шляется с этажа на этаж, канючит с вечно виноватой мордой, и понятно же, что никто никогда эти взятые «до полочки» не вернет, потому как это и есть «полочка», успешно пропиваемая очередным «трудовым коллективом», собравшимся у Парафина за столом.

Ну нравится вам такой образ жизни — ну и живите! Соседи-то при чем? С какой лиловой радости они должны спонсировать чье-то сомнительное удовольствие, результаты которого потом еще долго воняют по углам подъезда, мыть который перестали сразу после путча ГКЧП?

Была только одна квартира, где Тюльке еще оказывали материальное удовольствие, но туда попрошайка заглядывала только в крайнем случае.

Это была квартира на пятом этаже, в которой находилась переделанная из двух трехкомнатных квартир фотостудия Марка Беклина.

* * *

Ретфорд блаженно расположил ноги на столе и закурил. Нет, обычно он в кабинете этого не делал. Но сейчас был необычный момент, право слово...

Глотая дым дорогой сигариллы, он снова и снова рассматривал пахнущую краской обложку журнала, который выйдет только завтра.

— Да... — бормотал Дастин. — Взорвем старушку Америку... Рановато вы списали нас в секунд-хенд, джентльмены! Рановато... С этой девочкой мы выживем... Да! Осталось найти тебе кого-то в пару, крошка...

— Мистер Ретфорд, к вам мистер Свенсон...

— Да-да! Конечно! Да, Мэри, и два кофе, пожалуйста...

В кабинет вплыл нескладный двухметровый господин в костюме, который больше говорил о наличии в машине мистера Свенсона отличного кондиционера, чем о плохой погоде за бортом...

— Как дела, бойскаут?

Цепкий взгляд вошедшего молниеносно оценил ситуацию.

— Что, коршун Дасти уже вырвал свой кусок? — усмехнулся гость, кивнув на «Прайм». — Кто эта красавица?

— Это, дружище, жена какого-то талибанца. Пыталась бежать от любимого мужа, ее отловили и по закону шариата отрезали нос. На память.

— Фантастика...

— Да, Сэмми, это просто подарок судьбы!

— Ну да, ну да... Не забудь про благодарственную мессу. Ты ведь, кажется, все еще католик?

— Эх, дружище...

Секретарша внесла подносик с двумя крошечными чашечками кофе.

— А вот кофе, судя по запаху, у тебя по-прежнему прекрасен...

Друзья помолчали, смакуя напиток, который опрокидывал представление об американцах, пьющих исключительно растворимую дрянь без кофеина.

— Значит, говоришь, сыпнем порошу под хвост?

— Сыпнем, Сэмми, сыпнем... Эта дикарка принесет нам удачу, но... Ты же знаешь, по условиям — номинантов должно быть минимум два. Лучше больше. Но все остальное...

— Трэш?

— Полный. Калька с предыдущих победителей. Пустота...

— А ты все-таки вернись к теме Восточной Европы. Там после коммунизма может что-нибудь появиться стоящее. Посмотри, Дасти. Ты же знаешь, что самое неожиданное живет там, где рассчитываешь увидеть ожидаемое.

— Да ребята ищут и там. Но пока, кроме нескольких репортажей от «Фэмен-экшн», ничего нет.

— «Фэмен»... Это что?

— Да движение какое-то там арт-хаузное в Киеве... Ну это часть России, отделившаяся в девяносто первом.

— Что ж, на худой конец сгодятся и эти. Для компании. Но надо усилить. С Москвой свяжись. Там же были у тебя знакомые?

— Были, дружище, были... Трясем, но пока... Ты же знаешь, с каждым годом с русскими все сложнее. Аппетиты у них растут быстрее, чем наши прибыли.

— Ладно, Дасти. Мне пора. Не останавливайся. Ты же знаешь, что значит для нас это дело.

— Да уж, дружище...

* * *

Марк-Марс нехотя подбрел к входной двери.

Щелкнул замком.

Тюлька сразу забубнила хнычущим голосом свою старую песню.

В нос Марку рубанул непривычный аромат: смесь алкогольно-табачного перега-ра с застарелым запахом мочи и невесть чем еще, не менее вдохновляющим на побег.

Он отшатнулся.

«Тьфу, собака!» Никак не мог привыкнуть к недавно переделанному порожку, постоянно с него соскальзывал, чуть не подвернув ногу.

Тюлька, расценившая отступление хозяина квартиры-студии как приглашение войти, тут же прошмыгнула в прихожую.

«Денег тебе? А мне кто даст денег? Я их, между прочим, не рисую и не ворую! Я их, между прочим, зарабатываю!»

«Я верну...»

«Ага! С прошлого года возвращаешь!»

«Не, честно... Просто щас ваще пусто...»

«А ты работать не пробовала? С корешками со своими? А? Двор, там, мести, подъезды мыть? Или вы только их засирать умеете? А?»

«Да ладно, че... Дай, я отдам...»

«Заработай!»

«Гы... А че... Я могу...»

Тюлька расстегнула молнию на засаленной ветровке.

В голове у Марса стрельнуло. Уж виновата в этом столичная жара с торфяными пожарами или «Джонни Йокер», но наш фотогений прищурился:

«А заработай! Давай! Пошли!»

Они прошли в его павильончик, расположенный вместо одной из бывших трехкомнатных квартир. Мастер включил студийный свет.

«Чего стоишь? Вот стул — скидавай на него свои манатки и садись вот сюда...»

Он подвинул к старинному стулу с витыми ножками и изящной спинкой столик из той же эпохи раннего Саша Черного.

«Все скидавать?» — несколько смущенно спросила Тюлька.

«Ага. Давай поживей. Время — деньги».

«Не. Все — не могу. Меня Парафин убьет...»

«А ты ему не рассказывай. Сто баксов. Вот они. Видишь? Не в долг. Насовсем».

Тюлька застопорилась. Таких денег она отродясь в руках не держала, потому ее уставший от алкоголя мозг дал сбой.

«Мало? Ладно. Двести! Но ни копейки больше! Или двести, или — пошла вон отсюда!»

Тюлька стащила с себя трико с оттянутыми коленками.

Идеи замелькали в голове фотомастера: «Скандал вам нужен? Ща! Момент... Будет вам скандал-мангал... Ур-р-роды...»

Марс сбегал в свои жилые апартаменты, притащил бутылку водки и стакан. Плеснул в стакан и поставил бутылку на столик рядом со стаканом.

«Садись давай...»

Обнаженная Тюлька вызывала смешанные чувства: от омерзения до дикого желания расхохотаться.

«Ма-а-адель, блин...» — подумал Марс.

Давно не мытое тело с пятнами кровоподтеков, морщинистые отвисшие груди, дряблая кожа... Про аромат, сопровождающий сию натуру, повествовать не будем, вдруг кто-то из читателей собирается потрапезничать...

Наконец Тюлька уселась на стул.

«Так. Руку на стол положи. Да правую, чудо! Вот так... Плечи разверни... Левое! Ну, где-то так...»

Защелкал затвор дорогой зеркалки.

«Ноги! Так, спокойно... Ну-ка...»

«Слу-у-ушай... А можно?» — Тюлька моляще кивнула на стакан.

«Ага... Валяй...» — не отрываясь от фотокамеры, ответил Марс.

Тюлька, оттопырив мизинец, опрокинула жидкость в рот.

Лицо ее исказила гримаса обиды.

Уронив руки, пьянчужка взглянула на Марса с таким укором, в котором почувствовалась вселенская скорбь обманутого коммунизмом народа, когда тот узнал после двадцатого съезда, что Отец народа — не Отец, а...

По дряблым щекам Тюльки побежали слезы.

«А что? Ты думала, я тебе водки налью, что ли? Это реквизит, а не пойло! Самая натуральная родниковая вода! А водяры сама себе потом купишь», — бубнил Марс щелкающей камерой.

«Фу... Ну все... Хватит. Одевайся давай...»

Азарт вдохновения сыто икнул и растворился в торфяном мареве июля. На смену вдохновению вернулось обоняние.

Марс поморщился и швырнул на столик две купюры по сто долларов.

«Забирай. Заработала...»

«Может... Еще чего надо?» — шмыгнула носом новоявленная Чиччолина.

Марс представил прикосновение ее растопыренных ляжек, и его буйное воображение сыграло злую шутку: фотохудожника чуть не вывернуло наизнанку.

С великим трудом подавив комок, подкативший к горлу, он просипел, махнув рукой: «Иди уже!.. И дверь захлопни!»

Тюлька не спеша облачилась в свое вонючее тряпье и с поистине королевским достоинством смахнула деньги в карман.

«Обращайтесь!» — гордо вскинув голову, Тюлька направилась к дверям.

Марс только и смог, что потрясенно развести руками в ответ.

...Хлебнув своего любимого «Йокера», адепт фотоэксцентрики просмотрел результаты последней фотосессии.

И оскалился.

«А вот вам... Сейчас... Минуточку... Распечатаем...»

Несколько щелчков по компьютерной клавиатуре, и печатная машина запустилась.

Плеснув в стакан, Марс направился к своему дивану.

«Красоты вам надо? Получайте свою красоту... Козлы... Уроды...» — бухтел он в пространство, причмокивая «Йокером»...

«...Эй, гений рекламы удобрений, ты дверь закрывать научишься, нет?» — рявкнул где-то поблизости до омерзения знакомый голос директора.

Марс поморщился.

«Здесь столица, а не колхоз памяти Ильича! И вообще, я же сказал, хорош бухать!..»

Тирада директора оборвалась на самой высокой ноте.

Марс привстал было с дивана, но выпитый час назад «Йокер» заставил плюхнуться обратно.

В комнату вплыл директор. Его физиономия светилась радостью педофила, только что назначенного воспитателем в детский сад. В руках его был постер с Тюлькой.

«Ты... Ты знаешь, что это?»

Марс зевнул:

«Знаю. Соседка-алкоголичка».

Директор всплеснул руками:

«Нет... Ты все-таки беспросветный тупица... Идиот... Впрочем, таким и должен быть настоящий художник... Умница! Ты — гений, придурок!»

«Что ж ты так орешь-то... Башка трещит... И вообще — определись уже: гений или тупица, придурок или умница... Дай пива — вон, в холодильнике...»

«Перебьешься. Это же то, что нужно! Вот стоит мне основательно тебе навтыкать, как сразу результат! Как в армии: одна торцевая звездюлина заменяет тридцать три „пожалуйста“! Да?»

«Ага! Ты в армии-то был, белобилетчик психический?»

«Цыц! Ладно, на тебе пиво твое! А теперь слушай сюда: немедленно отправишь превьюшку этого кадра по адресу... Хотя... А, хрен с тобой, сам все сделаю. Интернет-то хоть не забыл оплатить?»

«Не забыл, кровосос...»

Марс жадно глотал пиво, а директор лихорадочно молотил по клавиатуре компьютера, словно хотел азбукой Морзе заявить всему миру о только что доказанной теореме Ферма...

* * *

— Твоя дикарка с отрезанным носом умерла.

— Что?

— Я говорю: русские убили твою афганку. Все. Ее нет больше. Растерли в пепел и посыпали пеплом голову всем остальным...

Дастин Ретфорд самодовольно забросил ноги на стол.

Свенсон непонимающе уставился на своего визави.

Хозяин кабинета, насладившись произведенным эффектом, развернул к только что усевшемуся в кресло Сэмми свой ноутбук:

— Смотри. Смотри и запоминай: это наша новая звезда. Мегазвезда.

Свенсон потянул себя за узел галстука.

— Это что?

— Это? Это бомба. Атомная бомба. Я связался с Москвой, и через день — результат. Вот он.

— Пока я не вижу результата. В чем он?

— Ха! А что ты видишь?

— Я вижу черно-белый снимок какой-то мерзкой голой старухи со стаканом. А что я должен увидеть еще?

— Ты должен сопоставить название и то, что видишь. И тогда...

- И как у них называется этот натюрморт?
- Да плевать, как он называется у них. Важно, как мы его назовем и под каким названием это войдет в каталог... Да, у них это называется «Голая правда».
- «Голая правда?»
- «Голая правда». Но я уже переговорил с продюсером автора. Мы договорились о корректировке названия.
- И что ты предлагаешь?
- Я предлагаю... Хм... Действительно... Что же я предлагаю? Картинно забросив голову к потолку, Дасти выпустил несколько колец дыма.
- Довольно, Дасти, не ломай комедию!
- Я предлагаю назвать это — «Россия Путина». Как тебе? А?
- Свенсон задумчиво почесал подбородок.
- Голая старуха алкоголичка смотрела на него с монитора ноутбука. Одна рука ее безжизненно соскользнула на колено, в другой судорожно зажат пустой стакан. На морщинистых щеках блестят слезы, а в глазах застыла смертная тоска...
- Дасти, ты прав. Твое название в сочетании с этим содержанием... Русские все-таки еще кое-что могут. Их только нужно грамотно преподнести. Кто автор?
- Какой-то Марк Беклин. Говорят, в Москве его хорошо знают.
- Марк Беклин? Я почему-то думал, что у русских другие имена. Переговори с продюсером, нужно поменять имя.
- Уверен?
- Абсолютно. Пусть будет какой-нибудь Иван Сидоров.
- Сэмми! Это пошлость!
- Ну, хорошо. Придумай сам что-нибудь. У тебя это получается лучше.
- Ладно-ладно... Ну...
- Федор Шаляпин.
- Что? А кто это?
- Не знаю. Видел русскую книгу с таким названием.
- Федор — это хорошо... Ну, пусть Федор Медведев.
- Почему Медведев?
- Россия... Медведи...
- Нет, скажут, что мы копаем под действующего президента России.
- А... Ладно. Федор Москвин подойдет?
- Ну... Пусть так. Все-таки лучше, чем Марк Беклин. Совсем уж не по-русски звучит. Так, согласовывай все эти изменения, пусть высылают оригинал снимка в электронном виде — и все. Фестиваль спасен.
- Мы спасены.
- Да, Дасти, мы спасены. Но напомни русским о сроках и о наших условиях: они должны присутствовать на фестивале. Иначе гран-при уйдет второму по рейтингу претенденту.
- Не беспокойся. Я уже понял этого продюсера. Доллар для него — бог. Все будет о'кей...

* * *

Парафин с Барабаном вернулись с очередного промысла злые и голодные. Их кинули. Они притащили килограммов десять чистой меди, а им не только не заплатили, а тупо отобрали «товар» да еще и навалили по полной. Нет, Барабану-то что: Барабан и есть Барабан, сопли красные утрет и опять жизни радуется. Что возьмешь с идиотика... А вот Парафину руку правую перешибли крепко.

— Тюлька! Тюлька, зараза, ты где?

«Жутильмены удачи» протопали в Парафинову «гостиную», где узрели восседающую за столом Тюльку.

— Ты смотри, Барабан... Мы, значит, кровь свою пролетарскую проливаем, а она — пьянь подзаборная — тут уже сама с собой хороводы водит?

На столе на относительно свежих газетах лежал полиэтиленовый пакет с селедками, покусанная буханка «Бородинского», стояли банка с огурцами и две бутылки водки.

— За вас, мужчины! — изрекла Тюлька и опрокинула в свое нутро явно не первую порцию водки.

Барабан, человек далекий от длительных логических умозаключений и тонких эмоциональных порывов, ухмыльнулся, плеснул в стакан, вытащил за хвост селедку и уселся за стол.

Парафин угрюмо хмыкнул и плюхнулся рядом.

...Ближе к последней трети второй бутылки, когда по традиции шло время песен, начиная от «Ой, мороз-мороз...» и «Напилася я, пьяна» до «Только для тебя» и «Ах, какая женщина», лик предводителя песенно-басенного коллектива озарился светом глубокого интеллектуального воспарения:

— Тюлька... Зараза... А ты где деньги взяла? А?

Барабан повернул свое лицо, напоминающее инструмент, в честь которого обрел кличку, сначала к Парафину, потом к Тюльке и глубокомысленно изрек:

— Действительно...

— А для приличной женщины — деньги не проблема! Главное — чтобы оказался плибли... побла... тьфу... по-бли-зости настоящий мужчина. Вот. И все.

— Я говорю, у кого заняла? От кого бегать теперь?

Недовыпущенный в разборках пар требовал применения. Парафин медленно разогревался.

— Сколько? А?

— А вот! Видал?!

Тюлька швырнула на стол стодолларовую купюру.

— Во как...

— Понял? А то: скока, скока... Сто баксов!

— Угу. А поляну на скамейке нашла?

— Поче... Че?

— Поляну на какие лавы накрыла, говорю?

— Дык на... А... Ой, да че причапилси-то...

— От-ку-да?!

— Откуда-откуда... Оттуда! Заработала! Вот! Пока вы шлялися с понедельника...

— Слышь, Барабан! Она заработала... Понял?! Мы — не заработали, а она, бляха-муха, заработала... Где ты заработать могла? Чем?!

Тюлька кокетливо повела плечом:

— А чем надо, тем и заработала!

Парафин по привычке грохнул кулаком по столу и выматерился от боли: нет, похоже, все-таки треснула кость в последних разборках...

— Падла... Отвечай по-хорошему!

— Ну че ты на горло-то опять... Буржуй наш с пятого этажа дал.

— Фотограф?

— Ну...

— Ты ему пол, что ли, мыла? А? Или че?

— А вот или че! Чтоб ты знал! Меня еще видные мужчины ценят! Понял!

- Че в тебе ценить-то, вешалка!
- Женщину!
- Ё-моё...

Парафин вдруг недоуменно посмотрел на Тюльку, как будто протрезвевшими глазами:

- Ах ты, тварь...

Барабан почуял, что назревает что-то криминальное, и разлил остатки водки по стаканам:

- Люди! Выпьем!

Молча выпили.

Парафин вышел и вернулся через пару минут. В левой руке у него была свернутая в трубку газета.

- Барабан, подъем. А ты, зараза, метнулась живо на угол. Еще водки возьми.

Тюлька оскалилась.

- Обижаете, гражданин Парафин... Я деушка запасливая...

Она выудила из-под стола еще три бутылки.

- Ну, допустим... Барабан, пошли.

«Компаньоны», пошатываясь, двинулись на пятый этаж.

- Дави, — скомандовал Парафин Барабану и кивнул на кнопку звонка.

Барабан послушно уронил кулак на клавишу и замер.

Наконец громыхнул замок, и массивная стальная дверь отворилась.

На пороге возник взлохмаченный Марс:

- Вы чего, соседи, обалдели, что ли? Третий час ночи!

- А ты че, спишь, что ли? — с вызовом изрек Парафин.

- Представляешь? Уже — да! Точнее — уже нет!

- Так да или нет?

- Чего надо-то? Денег? У Тюльки вашей займите, она нынче барышня состоятельная...

— Во! За Тюльку-то базар и будет! Ты че, падла, лапы распускаешь? А? Тебе че, шав с Тверской мало, а? Че, деньги есть, дык решил, что купить всех можешь? А? Совсем рамсы попутал, баклан, а? — наступал тщедушной грудной клеткой Парафин на Марса, удивленно слушающего пьяный бред.

- Так, ну-ка вали отсюда! Проспись! Потом говорить будем!

Марс оттолкнул Парафина и взялся за ручку двери, явно намереваясь ее захлопнуть.

- От с...!

Парафин взмахнул левой рукой и ткнул Марса газетой в бок.

Фотограф охнул, отшатнулся назад и, захлопывая дверь, саданул ею по правой руке Парафина.

Парафин взвыл и несколько раз пнул по двери, хищно щелкнувшей автоматическим замком.

- Паскуда...

— Да ладно, че ты, — Барабан, с трудом вникающий в происходящее, дернул Парафина за рукав. — Пошли накатим. Потом его накажем. Пошли.

И выпивохи потопали по лестнице к своей «поляне», где их ждала теплая, но такая вождеденная продукция непонятного происхождения...

* * *

- Слушай, сколько еще можно ковыряться? Дышать нечем! И так все ясно!

- Да? И чего тебе ясно? Мне не ясно, а ему, вишь ли, ясно...

- Ну проведешь ты потом свое вскрытие, сейчас-то что тянуть?
- Свое вскрытие я проводить не буду. Это уж без меня как-нибудь. Сами.
- Да ладно, Петрович, не заводись. Ты же понял, о чем я.
- Я-то понял... И о чем ты, и зачем ты... Да не топчись уже! Сходи вон бутерброд себе сделай, тут холодильник жратвой забит...
- Ошалел, что ли?! И так блевать тянет, ты еще тут...
- У ти, какие мы нежные — королевы снежные...
- Петрович, не валяй дурака! Все же очевидно: оступился клиент, упал, неудачно ударился головой... Чего тебе еще-то?
- Песенка такая есть старая:

Много дорожек прошел этот ежик,
А что подарил он дружку —
Серее и Тане насвистывал в бане
Дырочкой в правом боку...

- И че?
- Гриб сморчок, вот «че»... Видишь отметинку на боку у нашего жмурика? А? Да вот! Куда ты... Вот. Да. Ничего не напоминает?
- Напоминает. Очередной глухарь напоминает. А мне это надо?
- Угу. Такую дырочку аккуратно оставляет заточка. Например, из трехгранного напильника. Классика жанра... Мнится мне такая картинка. Позвонил в дверку злодей. Видимо, злодей — знакомый. Потому хозяин открыл, не задумываясь... Так, тихо! Не перебивай... Они поговорили, повздорили, злодей сунул терпиле заточкой в печень, тот дернулся и упал...
- Врешь!
- Обоснуй!
- Почему в печень? Удар пришелся бы в левый бок, а?
- Да? А злодей — левша был! Завистливый конкурент-художник! Они многие — леворукие, а часть — еще и заднеприводные! Съел? Едем дальше. Наш клиент, падая, схватился за дверную ручку. Дверь захлопнулась. Все. Больше к нему в эти дни никто не приходил, ключей ни у кого не было. Так он и пролежал, пока его директор не озаботился.
- Спасибо, дорогой мнительный товарищ. Спасибо, родной. Вот это именно то, что мне нужно. Вот именно это. Сейчас изложу письменно. Руководству... Оперный фершампенуаз! Чтоб я своими руками сейчас глухаря на отдел повесил? Ты спятил? Жмуру почти неделя!
- Неделя... Кстати, забавно... Да... Определенно — плохой подъезд. Несчастливый. Не покупай тут квартиру, Витек. Ни в коем случае. Никогда.
- Чего это ты?
- А на той неделе мы здесь с Федотовым были уже. Да. На первом этаже три жмура. Паленки перепили. Не то бомжи местные, не то так — синяки... А какой вывод?
- Какой?
- Простой, Витенька: напитки бери только у проверенных товарищей. Ага. Так что объясни происхождение этой дырочки у нашего тяжело пострадавшего, и я пошел курить.
- А... Зацепили при транспортировке в морг. Вот. Случайно. Об гвоздик.
- Об гвоздик.
- Да. В двери. Петрович, не пей кровь.

- А я кровь не пью. Я пью выдержанный в дубовых бочках виноградный сок.
- Да? Ерша тебе диетического!
- Как это?
- А пива с водой!
- Хорошо. Твой глухарь — не мой...
- А... Уболтал, говорливый. С меня пузырь твоего сока!
- Не моего, а виноградного. И не пузырь, а два.
- Чего?
- Ничего. Дырочка, видишь, какая криминальная? Вот...
- Это не дырочка криминальная, это ты — рожа криминальная и вымогатель.
- Вот чудило! Тебе же навстречу иду, репутацией рискую... Две. Точка.
- Да подавись. Две так две. С получки.
- А вот уж хрен, начальник. С получки ты уже и не вспомнишь. Сегодня.
- Да ты обалдел, Петрович!!!
- Как говорил генералиссимус Суворов: «Продай штаны, а за Россию выпей!» Впрочем, может быть, это говорил и не он. И ты лично за Россию можешь не пить. Хотя в целом совет — дельный. Дай спичку... А чего там директор убиенного-то звонил? Как его...
- Гарбин? В истерике. У них там какая-то поездка накрылась. А сам он как попал в Вену, теперь выбраться не может: нелетная погода.
- Хм... Многие из попавших в вену выбраться потом не могут... Потому — сок. Только сок. Виноградный.
- Да помню я! Вот привязался! Бамажки свои правильно заполняй. А я пойду за твоим соком схожу.
- Вот это правильно, гражданин начальник. Ибо человек человеку — что?
- Ларек.
- Тьфу...

* * *

Спустя полтора года

- Дверь офиса с табличкой «Эхо мегаполиса» мягко и бесшумно распахнулась. Вошедший огляделся по сторонам. Сопровождавший его кудлатый персонаж, известный всему российскому медиапространству, щербато улыбнулся:
- А? Что я говорил? Все переделали! Ремонтнице забабухали — мама не горюй!
 - Да... Честно скажу — не ожидал.
 - Что ты! Великая сила грантов! Так бы нам еще лет двадцать бомжевать! А тут...
 - Правда, непривычно... Нет, правда... Как-то не с руки, что ли...
 - Да брось! Тут, правда, шеф наш все по фэн-шую сделал. Как там в Штатах? Тоже, говорят, все по фэн-шую?
- Вошедший расхохотался:
- Чего? Это в России все и всем давно по фэн-шую. И снизу доверху по всей вертикали... В Штатах думать уже забыли про эту китайскую лабудень. Там это как Рерихи для Индии. Пустой звук с привкусом экзотики... Ладно, давай ближе к телу.
 - Давай...
- Коллеги-приятели прошли в студию, где кипела работа.
- Располагайся... Да! Ты текст пробежал?
 - Пробежал, пока летел.
 - И как?
 - Знаешь... Притянуть за уши этого несчастного баболяпа... По-моему, хрень полная.

Кудлатый хозяин офиса оскалился прокуренной улыбкой:

— А это неважно... Лешенька, дорогой! Наша задача проста, как те два пальца. Нам надо сделать все, чтобы к концу февраля рейтинг нашего кандидата упал. И мы это сделаем. А уж каким образом... Хрень или не хрень... Давай садись поближе к микрофону, через минуту начинаем.

Секунды просвистели, как те мгновения из песни, что как пули у виска, и в эфир полился очередной выпуск весьма популярной у плебса программы.

— Добрый день, дорогие радиослушатели! Вновь с вами я, Алексей Бенциантов, а рядом со мной... Вы не поверите, рядом со мной мой тезка, прибывший только что с самолета — Алексей Болотников! Алексей, я знаю, что ты в Штатах был не с гостевым визитом, не на экскурсии. Что больше всего интересует наших коллег за океаном?

— Добрый день... Да, действительно, я только что с самолета, с корабля на бал, так сказать... Кстати, спасибо за кофе, я еще не успел ни дома побывать, ни позавтракать... наших коллег интересует многое. И проблема с инвестициями, и постоянные наши газовые скандалы с партнерами, и, безусловно, проблема прав человека в нашей стране.

— Ты хочешь сказать — проблема с нарушением прав человека в нашей стране...

— Да-да, именно с нарушением. И в первую очередь это касается прессы.

— Пресса у нас, как известно, под прессом...

— Совершенно верно. Большое видится на расстоянии, потому, конечно, я думаю, многие вопросы наших коллег, их критика, и понимание происходящего — вполне справедливы.

— А вот какие-то конкретные случаи, какие-то примеры приводились на этих встречах?

— Конечно, чаще всего звучала на шумевшая в свое время история с гибелью известного в России и за рубежом фотохудожника Марка Беклина.

— Почему это их так интересует? Я прекрасно знал Беклина. Марк вроде бы не принимал никакого участия в политической жизни страны, и вдруг... Чем обусловлено такое внимание?

— А ты сам посуди. Да и вы, дорогие радиослушатели, тоже. Кстати, я встречался в Штатах с Евгением Гарбиным, директором Марка. Он тоже рассказал много любопытного... Простая хронология. Марк создает очередной шедевр, с которым собирается участвовать в ежегодном международном фестивале в Соединенных Штатах. Его работа называлась «Голая правда». Менеджеры фестиваля предложили Марку переименовать работу. В названии должно было звучать слово «Россия» и... Как бы это...

— Что такое?

— Ну, мы же не должны сейчас называть имена кандидатов в президенты...

— А! Да-да! Конечно!

— Ну вот... В общем, «Россия» и имя того, кого мы не имеем права сейчас упомянуть. Буквально за неделю до окончания сбора работ на фестиваль Марк погибает при загадочных обстоятельствах.

— Чем же они загадочны? Неудачно упал в собственной квартире, разбил голову...

— Ты сам-то в это веришь? Причем в этот же день гибнут еще три человека в этом же подъезде: неприметные тихие алкоголики с первого этажа...

— То есть... Ты намекаешь, что...

— Я просто сообщаю факты. Намекать — не моя профессия.

— Иначе говоря, выстраивается версия, которую никто не отработывал?

— Да, мне об этом и говорили наши коллеги в Штатах. Гибнет Марк, чья фоторабота могла вызвать фурор на международном уровне и всплеск негативного отношения в России к кандидату, чье имя там упоминалось в названии.

— Ты уже сказал, что намеки — не твоя профессия, но все-таки... Уж очень хочется знать, чье имя там было...

— Ну, я скажу так, что это имя самого рейтингового на сегодня кандидата.

— А что ты думаешь про тех трех алкоголиков?

— Они, вполне возможно, были свидетелями так называемого несчастного случая с Марком.

— Или исполнителями...

— Да? А что, вполне возможно и так. В любом случае мне прозрачно намекнули... Да, вот здесь как раз намекнули, что эти смерти взаимосвязаны. Но следствие закончено.

— Четыре тела, и нету дела...

— Да. И вот пока у нас в стране будут происходить подобные странные смерти, мы никак не выберемся из тупика тоталитаризма. Из того самого тупика, куда нас затащила и продолжает затаскивать «партия мошенников и мародеров».

— Алексей, мы сейчас прервемся на короткую рекламу, а потом поговорим более подробно о твоей поездке.

— Да, конечно...

* * *

Лет сорок назад

— Деда! Дедуль! Смотри...

Парнишка лет десяти-одиннадцати маячил в окно какой-то коробкой.

Старик подошел к окну. Улыбаясь в прокуренные усы, с напускной суровостью буркнул:

— А что, внучок, здороваться-то теперь не надо?

— Ой... Привет! Смотри! Смотри!

— Ну, чего у тебя тут?

Мальчишка, восторженно глядя на деда, протянул коробку.

— Ишь ты... «Зенит»... «Зенит-Е»... Так-так... До дня рождения вроде далековато. Это за какие же такие заслуги родители так разорились?

Внук в ответ подал деду картонную папку. Развязав тесемки, старик заглянул внутрь.

— Вон что... Почетная грамота. Ну-ну... «За первое место в областном конкурсе „...И юный Октябрь впереди“ награждается ученик четвертого класса школы № 204 Марс Белкин». Да... Ну что ж, если ты «Сменой» научился снимать, значит, и с этим аппаратом разберешься. Молоток... Не зря, видать, тебя в фотокружок отдали, а?

— Наверно... Дедуль, а бабушка где?

— На огороде, где ж еще. Что, не терпится? Ну, давай... Шуруй, похвастайся.

— Ага!

Мальчишка вприпрыжку поскакал в сторону дачной окраины.

Дед вдогонку шутливо погрозил:

— Смотри только по чужим огородам опять не шастай! Шалопай...